Неприкосновенная. № 3258
по об. не выдается

ПИСЬМО

Ф. ВИХЕРСКАГО

КЪ

ГЕНЕРАЛУ Ѳ. Ѳ. ТРЕПОВУ

ЖЕНЕВА

1869.

ПРОВ. 1953

DK
318
.7
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
512
53

ПИСЬМО Ф. ВИХЕРСКАГО

къ

ГЕНЕРАЛУ Ѳ. Ѳ. ТРЕПОВУ.

В. пр.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ,

Гоненія, направленныя противъ меня управленіемъ в. пр., при постоянномъ отказѣ въ допущеніи меня къ оправданію и даже въ назначеніи суда, заставили меня искать убѣжища въ чужихъ краяхъ.

Какъ древній скептикъ, отрицавшій собственное существованіе до тѣхъ поръ, пока его для убѣжденія въ противномъ не поколотили, я только теперь удостовѣрился, что какъ бы ни было безукоризненно поведеніе поляка въ Россіи, его личная безопасность ничѣмъ необезпечена. Еслибы мнѣ былъ выданъ, по обычаю среднихъ вѣковъ, *охранительный листъ*, что замѣтимъ въ скобкахъ, ничуть непомѣшало тогдашнимъ богословамъ сжечь Гусса, я и въ такомъ случаѣ не рѣшился бы вернуться въ Россію, увидѣвъ на собственномъ опытѣ, какими путями наши администраторы умѣютъ обходить, нехуже средневѣковыхъ казуистовъ, Вержболовскіе царскіе манифесты. Послѣ испытаннаго мною истязанія въ столицѣ верховнаго правленія, въ самомъ такъ сказать, источникѣ законодательной власти, въ центрѣ гласнаго суда и свободной будтобы печати; послѣ той нравственной и физической пытки, которой я былъ жертвою, мнѣ позволительно усомниться въ законахъ и манифестахъ никѣмъ неисполняемыхъ!

Но кто же я, и въ чемъ дѣло? Объ этомъ в. пр. несмотря на то, что рѣшали о моей участи, какъ подобаетъ высокому сановнику, едва знаете, а читатель конечно, не знаетъ вовсе, по этому я долженъ начать мою исторію сначала.

Я уроженецъ западнаго края, дворянинъ польскаго происхожденія и петербургскій житель съ 1849 г. Здѣсь моимъ постояннымъ занятіемъ была защита въ сенатѣ поручаемыхъ мнѣ процесовъ, а на досугѣ литература и наука. Въ 1857 г. имѣя средства обеспечивающія мнѣ временную независимость, я въ виду предполагаемой судебной реформы, отправился за границу, посѣщалъ во Франціи и въ Бельгіи публичныя лекціи и судебныя засѣданія, и довершивъ, по мѣрѣ способностей, мое юридическое образованіе, возвратился въ 1861 г. въ столицу.

Польское возстаніе 1863 г. застигло меня за границею, во время кратковременной моей поѣздки, предпринятой въ концѣ Ноября 1862 г.

Политическая моя исповѣдь была бы здѣсь совершенно лишняя : законъ и правительство, въ нормальномъ состояніи, отличаются тѣмъ отъ временныхъ, революціонныхъ трибуналовъ, что опредѣляютъ виновность, не по подразумѣваемому образу мыслей, а по дѣйствіямъ. Въ избѣжаніе соприкосновенія съ этими трибуналами, той или другой стороны, я рѣшился остаться за границею на все время революціи. Я не отрицаю возвышенности чувства самоотверженія, для данной исторической идеи, однакожъ считаю неменѣе возвышеннымъ, миролюбивое направленіе, ради общаго прогреса; труды по вопросамъ юридическимъ, внѣ переходныхъ, политическихъ страстей. Въ настоящей исторіи, фактъ несомнѣнный тотъ, что я не принималъ участія въ вспыхнувшей между двумя народностями распрѣ. Въ древней Греціи существовалъ карательный законъ, на непринимающихъ участія въ междоусобицѣ. Необязуемый подобнымъ закономъ и не принадлежа даже къ числу поземельныхъ собственниковъ, вызванныхъ правительствомъ къ возврату, я, по силѣ закона, имѣлъ полное право оставаться за границею, вдали отъ политическихъ смутъ. Съ ущербомъ личныхъ моихъ интересовъ, по дѣламъ начатымъ въ Петербургѣ, я пробылъ во Франціи и въ Бельгіи до конца 1865 г. и въ Декабрѣ прибывъ въ Петербургъ, принялся снова за дѣла. Въ это время кругъ моихъ

отношеній, въ особенности съ иностранцами имѣющими дѣла въ Россіи, а такъ-же съ путешествующими русскими, сталъ разширяться. Порученія вызывавшія меня на ежегодныя поѣздки за границу, соотвѣтствовали моимъ привычкамъ и доставляли мнѣ матеріяльныя выгоды, вмѣстѣ съ пользою для здоровья. Съ другой стороны, присяжная адвокатура, не смотря на нѣкоторыя, лестныя для меня предложенія, при настоящемъ настроеніи въ отношеніи къ полякамъ, я не скажу, русскаго общества, но по крайней мѣрѣ одной бюрократической партіи, не привлекала меня на столько, чтобы я жертвовалъ для нея, въ особенности теперь, моею независимостью; что впрочемъ ничуть не мѣшало мнѣ принимать иногда на себя защиту важнѣйшихъ тяжебныхъ дѣлъ. Но по тому-ли, что мои земляки *заграничные*, лишены даже конфискаціями и контрибуціями всѣхъ интересовъ въ Россіи, или это было дѣло одного случая, вѣрно только то, что за исключеніемъ земляковъ находящихся внутри имперіи, я не имѣлъ ни съ кѣмъ изъ нихъ за границею, ни дѣлъ, ни переписки. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще и тотъ фактъ, что въ теченіи послѣднихъ 17 лѣтъ, я не былъ ни разу, не только на родинѣ, но ни въ одной части древней Польши. Таково было мое положеніе общественное и въ отношеніи къ правительству до 1868 г.

Не смотря на то, что заграничные мои земляки порицали меня за мой консерватизмъ, а порой и заподозрѣвали въ предосудительной преданности русскому правительству; что въ кругу моихъ русскихъ пріятелей, мой примирительный образъ мыслей, былъ хорошо извѣстенъ; не смотря на все это, я вовсе не удивился посѣщенію меня въ концѣ Марта 1868 г., въ 3 часа ночи, полиціи и жандармовъ и захвату моихъ бумагъ. При маленькой моей наклонности къ сатирѣ, при успѣхахъ кой-какихъ въ процесахъ, я могъ весьма легко возбудить противъ себя вражду; но я нисколько не смутился внезапнымъ обыскомъ. Напротивъ, мнѣ интересно было знать: до какой степени позволятъ мѣстные администраторы глумиться надъ своею довѣрчивостью, первому встрѣчному негодяю, въ качествѣ доносчика? Еслибы не полицейскій надзоръ, слѣдующій за доносомъ, даже неоправдавшимся, я почти былъ бы радъ, что полиціи сдѣлаются извѣстными настоящія мои занятія и причины поѣздокъ за

границу; но я крѣпко заблуждался на счетъ безпристрастія петербургской администраціи — что и составляетъ предметъ моего разсказа.

На другой день послѣ обыска, я позванъ былъ къ ночи, въ секретное отдѣленіе канцеляріи в. пр., къ начальнику этого отдѣленія, полковнику Колышкину.

Я никогда не страдалъ національными предубѣжденіями, однакожъ думаю, что русское дѣло, во имя коего мнѣ предстояло оправдываться, должно быть представляемо, если ужъ неисключительно людьми русскими, то по крайней мѣрѣ, въ присутствіи одного, скромнаго, съ ихъ стороны депутата. Очутясь лицомъ къ лицу съ моимъ инквизиторомъ, мнѣ нельзя было не узнать по курчавой его головѣ, по желтымъ глазамъ, по рѣзко выдавшимся скуламъ, что онъ не происходитъ не только отъ славянской, но даже отъ европейской, такъ называемой индо-кавказской расы: онъ несомнѣнный потомокъ того племени семитической расы, которое выйдя когда-то изъ Іудеи, разбрелось по божьему свѣту. Продолжительныя мои путешествія, знакомство съ разными народностями, дали мнѣ нѣкотораго рода навыкъ угадывать характеръ и степень умственнаго развитія въ людяхъ попадающихся мнѣ на встрѣчу. Въ *рассви* Колышкинѣ я увидалъ человѣка съ весьма ограниченною интелигенціею, а что еще опаснѣе, едва грамотнаго. Угловатыя движенія, суровое лицо, очевидная желчность темперамента и преобладающая въ выраженіи лица черта упрямства, присущая тупоумію, предвѣщали какую-то непоколебимость въ преслѣдованіи предвзятой мысли, которая въ этой жесткой натурѣ, должна доходить иногда до изступленія. И дѣйствительно: Колышкинъ принялъ меня свысока, грубо, съ видомъ важнымъ и сердитымъ, и сохранилъ этотъ тонъ во все продолженіе допроса на единѣ.

Эти странные, поражающіе неумѣстною строгостью пріемы, повергаютъ прежде всего въ грустное размышленіе: изъ за чего сердятся нѣкоторые судьи и слѣдователи, защитники весьма сомнительные порядка и самодержавія, такъ какъ на дѣлѣ, они заинтересованы прямо и болѣе чѣмъ кто нибудь въ подстрѣкательствѣ и продолженіи политическихъ смутъ —этаго истиннаго источника повышеній, пожалованій, орденовъ и всякихъ благъ? Не изъ чувства-же патріотизма

приходятъ въ такую ярость космополиты, знающіе отлично, что безъ революцій нѣтъ для нихъ поприща. Вѣдь для ихъ же пользы созданы горячіе умы, которые цѣною мечтательныхъ головъ, вытаскиваютъ ихъ изъ невѣдѣнія и выдвигаютъ на сцену. Простительно сѣтовать консерваторамъ потерпѣвшимъ матеріяльныя потери, не говоря уже о нравственной скорби при видѣ вспышекъ тормозящихъ прогресъ и порождающихъ реакцію и произволъ; простительно консерваторамъ, попадающимъ за недостаткомъ настоящихъ заговорщиковъ, подъ пытку и въ тюрьму, какъ на пр. я, жаловаться и на революцію и на побѣдительныя власти; но негодовать на первую людямъ ловящимъ въ мутной водѣ рыбу; негодовать такимъ пройдохамъ какъ полковникъ Колышкинъ—право непостижимо! Что касается до меня, если я могъ возбудить гнѣвъ въ этомъ честномъ сынѣ Сіона, такъ развѣ по тому, что я не представлялъ собою того именно благодатнаго матеріяла, изъ котораго выходитъ быстрая постройка блистательныхъ карьеръ. Будь я въ самомъ дѣлѣ важный заговорщикъ, окажись я проповѣдникъ цареубійства, г. Колышкинъ схватилъ-бы на другой день густые эполеты и крупный надѣлъ. За отсутствіемъ во мнѣ этихъ качествъ, негодованіе понятно, и по этому такъ, или иначе, очистка моя—все ужъ была невозможна.

И такъ допросъ, грубый въ отношеніи формы, начался съ того : *откуда у меня деньги и что я дѣлаю въ Петербургѣ?* Въ числѣ взятыхъ у меня бумагъ имѣлись банкирскіе векселя; прочія бумаги, находившіяся уже въ рукахъ слѣдователя, объясняли положительно : и источникъ денежныхъ средствъ и родъ моихъ занятій. Кромѣ этого, весьма было странно мнимое незнаніе, со стороны секретной полиціи, человѣка проживающаго въ столицѣ около 20 лѣтъ и получавшаго отъ мѣстныхъ властей виды за границу. Еслибы революція не была окончена и не послѣдовало манифеста воспрещающаго заводить новыя политическія дѣла, эти деньги вѣроятно перешли бы сей часъ въ категорію *революціоннаго сбора* и составляли бы доказательство моей политической виновности, въ родѣ *поличнаго*. Достойный судья отказался опредѣлить —въ чемъ я обвиняюсь и въ чемъ мнѣ оправдываться, подъ весьма остроумнымъ предлогомъ : что онъ "*не привыкъ давать отвѣтовъ*", забывая, что въ настоящемъ случаѣ, его отвѣтъ

долженъ былъ представлять, въ смыслѣ формальности, необходимый и существенный вопросъ со стороны слѣдователя. Послѣ долгаго круговращенія на одной и той-же точкѣ, мы дошли наконецъ до польской революціи и до моего пребыванія въ то время за границею. Прочитавъ данный мною отчетъ на письмѣ, г. Колышкинъ на замѣчаніе мое, что въ бумагахъ относящихся къ тяжебнымъ дѣламъ, я могу нуждаться всякій день, предоставилъ мнѣ ихъ взять назадъ тутъ-же, едва окинувъ ихъ взоромъ. Заграничная-же корреспонденція и мои стихи, которыя я имѣлъ слабость стрянать по польски и по французски, оставлены были для дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Передача мнѣ дѣловыхъ бумагъ, по одному моему указанію, безъ просмотра и повѣрки, обнаруживала положительно, какъ и слѣдовало ожидать, что начальникъ секретнаго отдѣленія зналъ отлично, что̀ я *дѣлаю* въ Петербургѣ, и не нуждался по этой части ни въ какихъ прибавочныхъ свѣденіяхъ, ни словесныхъ отъ меня, ни письменныхъ изъ моего портефеля; вопросъ-же на этотъ счетъ брошенъ былъ мнѣ такъ, въ видѣ пробнаго шарика — авось, не сдѣлаю-ли я чистосердечнаго признанія: что я чрезвычайный агентъ всемірнаго, революціоннаго комитета и предсѣдатель нигилистовъ всѣхъ національностей.

Послѣ этаго сеанса, я отпущенъ былъ домой, а спустя нѣсколько дней, прибавивъ къ моему показанію еще кой-какія подробности: что имѣлъ—де квартиру въ Парижѣ, да путешествовалъ два раза въ Италію и тому подобныя, важныя для государственныхъ интересовъ свѣденія, всѣ бумаги до послѣдняго письма, до мельчайшей эпиграммы, получилъ обратно — недоставало одной, личной моей фотографической карточки—признакъ любезнаго вниманія, которымъ я былъ такъ тронутъ, что готовилъ уже другую съ моимъ автографомъ.

Казалось, что дѣло было кончено. Мои эпиграммы не представляли никакихъ политическихъ намековъ въ духѣ революціонномъ. Корреспонденціи касались дѣловыхъ порученій; —не имѣлось ни одного письма, къ которому можно былобъ придраться, хотя за одну подпись польскаго имени. Правда, что во многихъ письмахъ изъ Брюсселя, мнѣ сообщались извѣстія о двухъ моихъ собакахъ, воспитанныхъ мною,

которымъ я далъ польскія имена; но непреступленіе-же имѣть слабость къ животнымъ, а еще менѣе можетъ быть преступна собачья кличка, даже на польскомъ языкѣ. Разсказываютъ, что Наполеонъ III плакалъ послѣ смерти любимой собаки; извѣстно тоже, что и государь Александръ II покровительствуетъ этимъ друзьямъ человѣка—почему-же мнѣ смертному, не имѣть чувствъ общихъ съ великими людьми, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи?—Однимъ словомъ, я не имѣлъ никакого повода ожидать, не только опасныхъ, но даже маломальски стѣснительныхъ послѣдствій отъ невиннаго обыска: я преспокойно готовился уѣхать за границу, на время каникулъ, съ тѣмъ, чтобы возвратиться къ Сентябрю, для защиты въ сенатѣ порученныхъ мнѣ дѣлъ—и попросилъ паспорта.

Вслѣдъ за этой просьбой, и именно 1 Мая 1868 года я былъ схваченъ на моей квартирѣ и послѣ краткаго и неожиданнаго, какъ громъ въ зимнюю петербургскую ночь, объявленія мнѣ въ той-же секретной канцеляріи, рѣшенія: "что я долженъ быть высланъ *сей часъ* на родину по этапамъ, или, если у меня есть средства, подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, *съ воспрещеніемъ мнѣ возврата во всѣ столицы*", я отправленъ былъ въ арестантскій домъ.

Это такъ называемое рѣшеніе, *безъ дѣла* и *безъ суда*, объявилъ мнѣ наперстникъ Колышкина капитанъ *Жерве*—опять личность не русская и не славянская.

Если это было рѣшеніе, какъ всякій осужденный, я отнюдь не терялъ права сообщенія съ людьми; это право мнѣ предоставить слѣдовало, тѣмъ болѣе, что на моихъ рукахъ были чужія дѣла, на моей отвѣтственности чужіе интересы. Но напрасно я заявлялъ объ этомъ секретной канцеляріи, напрасно добивались свиданія со мною мои кліенты и знакомые русскіе: канцелярія отправляла ихъ съ угрозами, что эти требованія могутъ ухудшить мое положеніе и это навело истинную панику на моихъ польскихъ довѣрителей. Вмѣсто грознаго *сей часъ*, я продолжалъ сидѣть подъ секретомъ, получая съ трудомъ позволеніе писать прошенія къ в. пр. и къ шефу жандармовъ: о назначеніи суда и о допущеніи меня къ оправданію. Нѣсколько разъ я призывалъ мѣстнаго прокурора, чтобы узнать причину моего секретнаго заключенія. Мои просьбы и отзывы оставались безъ отвѣта—и

я кончилъ убѣжденіемъ : что всѣ эти реформы даруемыя государемъ и прославляемыя на обоихъ полушаріяхъ, все это мнимое правосудіе и гласность—прахъ и суета! Я никакъ не могъ постигнуть ни повода, ни цѣли этихъ крайне строгихъ мѣръ, употребляемыхъ обыкновенно въ началѣ дѣла, а не въ его исходѣ. Мнѣ знакомы основные законы, полицейскія учрежденія и порядокъ практикуемый, болѣе или менѣе, въ дѣлахъ политическихъ. Въ приказахъ в. пр. по полиціи. существуетъ срокъ въ который хозяева могутъ требовать возврата взятыхъ съ улицы собакъ — одни люди какъ видно, остаются забытыми. Правда, что въ Петербургѣ есть общество покровительства животныхъ — и я конечно упоминаю объ этомъ не изъ зависти, особенно къ симъ послѣднимъ, а потому, что мнѣ кажется весьма странно прятать людей подъ спудомъ безъ цѣли, безъ всякой видимой надобности, вопреки закону и принятымъ правиламъ, съ невознаградимымъ ущербомъ и для арестованнаго и для лицъ состоящихъ съ нимъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Если я политическій преступникъ, то мнѣ слѣдовало сдѣлать обвинительный актъ здѣсь на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что я самъ просилъ объ этомъ, *не ссылаясь вовсе на Вержболовскій манифестъ.* Отказъ мнѣ въ этомъ и отправка въ край, изъ котораго я выбылъ окончательно тому 17 лѣтъ, представляли странное явленіе : нарушеніе манифеста прекращающаго политическія дѣла и вмѣстѣ съ этимъ доказательство, что манифестъ отягощалъ мою участь, отнимая у меня шансы формальнаго обвиненія и непремѣнной очистки на мѣстѣ. Но положимъ наконецъ, что объявленное мнѣ распоряженіе, было уже исполненіемъ рѣшенія; въ такомъ случаѣ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о законности сего послѣдняго, я спрашиваю : на какомъ основаніи примѣнялись ко мнѣ мѣры прелиминарнаго ареста, предназначенныя въ законѣ только для обвиняемыхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ? Хотѣла-ли секретная полиція въ довершеніи моихъ юридическихъ опытовъ, ознакомить меня съ дурнѣйшимъ въ мірѣ состояніемъ остроговъ, мое вѣрованіе въ законы обратить въ пустую иллюзію и посмѣяться надъ моимъ законовѣдѣніемъ, какъ окончательно ни къ чему неведущимъ?

Это строгое секретное заключеніе продолжалось десять дней. Запертый въ темной конючей камерѣ, безъ воздуха и

безъ свѣта, при хроническихъ моихъ грудныхъ страданіяхъ, я задохся и заболѣлъ не на шутку. На представленіе доктора о необходимости перемѣщенія меня, человѣколюбивая канцелярія в. пр., чтобы поскорѣе покончить мои страданія, прислала мнѣ въ отвѣтъ смертный приговоръ... Это иносказаніе, болѣе похоже на истину, чѣмъ оно сразу кажется: приказъ отправить меня въ тюремную больницу, гдѣ свирѣпствовала тогда эпидемическая, тифозная горячка, при физическомъ и нравственномъ моемъ настроеніи, равнялся смертному приговору. Мѣстный тюремный смотритель *Зальцманъ* сказалъ-бы Пушкинъ: "нѣмецъ акуратный" готовился было ужъ исполнить приговоръ, какъ вдругъ къ моему счастью, явились два жандарма и утащили меня на желѣзную дорогу.

Въ приказѣ объ отправкѣ меня предписано было вмѣсто спроса: есть-ли у меня средства къ уплатѣ прогоновъ (которыя дѣйствительно и были у банкира Г.) просто освидѣтельствовать: *имѣю-ли я ихъ на себѣ?* и буде не окажется, отправить *по этапамъ*. Кто знакомъ съ нѣмецкою формалистикою въ Россіи, состоящею въ буквальномъ исполненіи канцелярскихъ бумагъ, тотъ поймете къ чему велъ этотъ крючекъ секретныхъ распорядителей. Захваченный неожиданно, лишенный возможности сообщенія, я могъ именно не имѣть на себѣ достаточно денегъ — не всегда-же носятъ въ карманѣ сотни рублей — ясно было, что за всѣми этими любезностями кто-то наблюдалъ особенно, и я не ошибся, подозрѣвая доблестнаго полководца петербургскихъ единоплеменныхъ его сыщиковъ въ способности приходить въ *изступленіе*. Мой маршрутъ оказался тоже чѣмъ-то выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ: тотъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, вмѣсто практикуемаго, прямаго сообщенія съ Каменцемъ подольскимъ, по желѣзной дорогѣ на *Бѣлостокъ*, изволилъ отправить меня для прогулки, на *Витебскъ*, *Кіевъ* и *Житомиръ* — семьсотъ верстъ лишнихъ на колесахъ — сущая бездѣлица! Какой-то жандармскій полковникъ, попавшійся на дорогѣ, замѣтилъ дѣльно, что вѣдь можно послать въ Каменецъ и чрезъ *Тобольскъ*.

И такъ до отъѣзда изъ Петербурга, во все время моего ареста и процесса—(былъ-же, думалъ я, какой нибудь обвинительный актъ, предъ какимъ то таинственнымъ трибуналомъ, гдѣ пожалуй представлялъ и игралъ роль обвиняе-

маго какой нибудь подставной подсудимый)— во все говорю время, начиная съ *Колышкина*, *Жерве*, *Зальцмана*, до колодочнаго стража изъ варшавскихъ израилитянъ, я приходилъ въ столкновеніе только съ нѣмцами и евреями. Какъ? быть обвиненнымъ въ политическомъ преступленіи, отвѣтствовать по русскому дѣлу и не встрѣтить ни одного русскаго, ни одного образованнаго человѣка! Право, это одно было прискорбнѣе всѣхъ притѣсненій испытанныхъ мною отъ петербургской администраціи. Я готовъ перенести всякія лишенія, всѣ несправедливости, но поставьте меня хоть одинъ разъ въ присутствіи приличныхъ и компетентныхъ людей.

Меня тащили два жандарма какъ злодѣя. Проѣзжіе недоумѣвая, перешептивались о прекращеніи политическихъ дѣлъ въ силу Вержболовскаго манифеста... Въ самомъ дѣлѣ, не везутъ-же въ ссылку въ западный край? Напротивъ, оттуда искони, везутъ на сѣверъ: эта элементарная истина, извѣстная всѣмъ, до послѣдняго ямщика. Стало быть, за отсутствіемъ дѣла въ Петербургѣ, оно найдется въ Каменцѣ. Я началъ подозрѣвать самого себя: не совершилъ-ли я какого нибудь преступленія въ припадкѣ лунатизма?.. Ошеломленный, оторванный внезапно отъ серіозныхъ занятій, оскорбленный и раззоренный въ одно мгновеніе; не приводя въ порядокъ дѣлъ ни чужихъ, ни собственныхъ, я размышлялъ о достоинствѣ человѣческомъ, такъ легко попираемомъ, о реформахъ, доходящихъ по увѣренію петербургскихъ журналовъ, чуть-ли не до "habeas corpus"—и прискакавъ въ Каменецъ, попалъ прямо въ тюрьму... подъ секретъ — чтобъ не потерять привычки. Меня туда отправилъ мѣстный полицмейстеръ г. *Берентейнъ*—наконецъ то русскій человѣкъ!

Въ тюрьму я въѣхалъ позднею ночью, тріумфально, въ дорожномъ моемъ тарантасѣ, съ вооруженнымъ верховымъ казакомъ, съ полицейскимъ чиновникомъ въ придачу. Все пришло въ волненіе отъ этой обстановки: арестанты думали, что я командированъ изъ Петербурга отъ министерства юстиціи, для осмотра тюрьмы, по секрету. Тюремная власть непрочь была сама отъ подобныхъ предположеній и чтобы доказать свою ревность по службѣ, держала меня построже и запирала покрѣпче. Будучи почти въ возможности повторить Гоголевскаго *Ревизора*, я ограничился просьбою допустить ко мнѣ кого нибудь изъ родныхъ. "Помилуйте",

отвѣчали мнѣ власти—"погодите, авось, подоспѣютъ бумаги изъ Петербурга—ваше *Дѣло* рѣшительно неизвѣстно..." Чортъ возьми! мудрено и знать то чего не существуетъ. Въ философіи есть аксіома: "Ex nihilo nihil"—я тоже съ трудомъ понимаю, какъ можно произвести что нибудь безъ матеріала; но съ другой стороны, если по Моисееву ученію Богъ создалъ вселенную изъ ничего, то по чему-же потомку избраннаго народа, Колышкину, не создать изъ ничего одного маленькаго дѣлишка? Послѣ семидневнаго ожиданія—быть можетъ въ память сотворенія по ветхому завѣту, съ праздничнымъ днемъ включительно—меня повезли, опять съ вооруженнымъ стражемъ, въ городскую полицію. Вмѣсто развязки, которой я ужъ въ этотъ разъ ожидалъ, съ меня взяли подписку о невыѣздѣ изъ города, *впредь до дальнѣйшаго распоряженія*, (т. е. пока не увезутъ) объявили: что я состою подъ строжайшимъ надзоромъ и обо всемъ произшедшемъ, полетѣло представленіе въ Кіевъ, къ главному начальнику края.

Получивъ эту мнимую, условную свободу, я сталъ разбирать критически мое положеніе. Одинъ восточный разсказчикъ, начинаетъ свою повѣсть слѣдующимъ образомъ: "Когда я *сырвался* изъ рукъ справедливости..." Весьма понятно: юстиція на востокѣ, какъ извѣстно, находится въ рукахъ баши-бузуковъ—что-же? не вторглись-ли они въ европейскую Россію и не захватили-ли у насъ юстиціи, быть можетъ именно въ ту минуту, когда меня сажали подъ секретъ—что и объясняетъ отсутствіе, вызываемаго-было мною напрасно прокурора? Я никакъ не могъ вышибить изъ головы, этого оригинальнаго начала восточной повѣсти, которое такъ подходило къ испытанной мною справедливости. При томъ я вспомнилъ изъ французскихъ преданій до-революціоннаго времени, изъ эпохи беззаконія и произвола, весьма характеристичный совѣтъ: что обвиняемому, хотябы даже въ томъ, что онъ утащилъ башню отъ церкви парижской Бого-матери, все таки недурно прежде всего дать тягу. Какъ вамъ угодно читатель, не зная за собою никакой виновности, я никакъ не могъ сознать, что все происходившее со мною было не то, чтобы законно, но даже въ какомъ нибудь баши-бузукскомъ порядкѣ; слѣдовательно я могъ думать, что на мнѣ лежитъ тоже что-то въ родѣ тяжкаго

обвиненія въ похищеніи Александровской колонны, со взломомъ тріумфальныхъ петербургскихъ воротъ. Прибавьте къ этому принятую систему : гнать однажды заподозрѣннаго поляка, съ юга на западъ, съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ и на оборотъ; обвинять его при всякомъ происшествіи : выстрѣлъ въ Петербургѣ, пожаръ въ Симбирскѣ, подлогъ ассигнаціи въ Харьковѣ — онъ тутъ какъ тутъ; запутывать его въ нескончаемыя полицейскія переписки, навалить ему на шею громадныя дѣлопроизводства, которыя за нимъ слѣдуютъ изъ канцеляріи въ канцелярію, изъ одной губерніи въ другую, возрастая до такихъ размѣровъ, что потомъ любой докладчикъ заключаетъ о преступности виновника этой гигантской процедуры, не по содержанію ея, а по объему; а конецъ концовъ мѣшать ему и даже воспрещать трудиться въ ссылкѣ. Право, въ такихъ условіяхъ участь измѣрять градусы широты Россіи, слишкомъ тяжела для того, чтобы не приходить отъ нея въ трепетъ. Истребованная отъ меня подписка, свидѣтельствовала какъ нельзя лучше, что на мой счетъ должно еще выйти какое - то *дальнѣйшее распоряженіе*, не награды-же мнѣ ожидать. Я понималъ, что нѣтъ подозрительнѣе той личности, которой вина не опредѣлена и чувствовалъ, что будь я на мѣстѣ главнаго начальника края, я бы тотъ часъ отправилъ самъ себя, какъ я есть, въ самыя отдаленныя губерніи, тѣмъ болѣе, что петербургскіе журналы то и дѣло твердили о немедленномъ вторженіи въ русскія владѣнія — польскихъ вооруженныхъ полчищъ изъ сосѣдней Галиціи.

Посмотрѣвъ себя въ зеркало, я увидѣлъ, что мои волосы покрылись просѣдью; правда, что во время моего секретнаго заключенія, при воспрещеніи писать, я занимался умственно математическимъ исчисленіемъ : сколько выходитъ во всей имперіи бумаги на канцелярскія переписки, принимая за норму расходъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ одного уѣзда? Въ общей сложности, годовой результатъ обнаружилъ : что этой бумагой можно оклеить весь земной шаръ, въ пять дюймовъ толщины — Боже мой! и я долженъ, по изобрѣтательности Колышкина, быть въ числѣ поставщиковъ этого страшнаго матеріяла? Эта мысль наводила на меня ужасъ. Изъ Петербурга пришли извѣстія, тоже весьма неутѣшительныя : предстательство моихъ зна-

комыхъ *русскихъ*, убѣжденныхъ въ какой-то непостижимой на мой счетъ ошибкѣ, не получило успѣха. Оказывалось на дѣлѣ, что пошатнувшаяся въ Римѣ папская непогрѣшимость перешла въ секретную канцелярію с.-петербургской полиціи... Среди такихъ отчаянныхъ думъ, выйдя въ одинъ іюньскій вечеръ изъ города и взявъ прямое направленіе съ востока на западъ, я очутился съ разсвѣтомъ въ Галиціи.

Въ странѣ знакомой мнѣ только по исторіи, я по старой привычкѣ сталъ дѣлать наблюденія. Вооруженныхъ полчищъ не было ни слѣда, даже охотники до дичи, находились по сезону, въ полномъ разоруженіи. Но какой безпорядокъ! Вездѣ торчали надписи по нѣмецки, по польски и даже кой-гдѣ по русски — и несмотря на это, раздоръ ограничивался журнальными преніями, разноглагольныя вывѣски, не порождали ни малѣйшаго бунта. Про паспорты, этой у насъ необходимой принадлежности человѣка, для которой такъ и кажется, что онъ единственно созданъ, не было точно на *гиломъ западѣ* и помину. Ужъ эти нѣмцы—у насъ бы имъ поучиться порядку! За то они въ Россіи мастера на всякія формальности... статистика показываетъ, что будто бы мы, въ важныхъ и маловажныхъ проступкахъ, перещеголяли всѣ націи, но я статистикѣ не вѣрю, а потомъ у насъ за формальностями слишкомъ мало времени остается для того, чтобы справляться съ статистиками, да искать причинъ безнравственности въ человѣкѣ — былъ бы лишь у него письменный видъ въ порядкѣ.

Покорнѣйше прошу, в. пр., извинить мнѣ вырывающуюся иногда изъ подъ моего пера иронію. Это ничуть не уменьшаетъ питаемаго мною къ в. пр. лично, истиннаго уваженія; но подвѣдомственное вамъ управленіе обошлось со мною съ такою безцеремонностью, съ такимъ презрѣніемъ всѣхъ правъ человѣческаго достоинства, что во мнѣ лопнула желчь и терпѣніе. Потомъ, не лишне выказать при настоящемъ случаѣ, что у меня есть взглядъ на вещи и кой-какая способность оцѣнивать ихъ; что при всей скорби въ виду того, что у насъ происходитъ, я далъ моимъ молчаніемъ неоспоримое доказательство величайшаго самоотверженія. Я мирно занимался юридическою практикою и могу сказать съ пользою

для моихъ кліентовъ, въ чемъ весьма легко убѣдиться по моимъ ссылкамъ. Мое негодованіе проявлялось невинными эпиграммами на извозчиковъ убивающихъ лошадей на петербургскихъ мостовыхъ – извозчики, покамѣсть не грамотные, не могли ихъ читать, но и ученый Колышкинъ, обращающійся относительно не лучше съ людьми, не болѣе извлекъ изъ нихъ пользы. Дѣло рѣшительно не было въ моей виновности, а въ томъ, что ревностному дѣятелю, не даютъ спать лавры собранные другими—и ему подавай революцію опять, во чтобы ни стало. Къ несчастію его, я не былъ революціонеромъ, по крайней мѣрѣ, до того времени—и не по силамъ Колышкиныхъ бороться съ агитаторами.

Еще одна дигрессія здѣсь необходима. Читатель могъ думать, что я нападаю на евреевъ de parti pris, вслѣдствіе старыхъ предубѣжденій, раздѣляемыхъ во многихъ странахъ по сіе время? Конечно, по складу моего европейскаго ума, по началамъ воспріятымъ изъ греческаго и римскаго міра, я врагъ всѣхъ іудейскихъ ученій, тормозившихъ, по моему мнѣнію, человѣческое развитіе; но взойдя на эту точку, я по этому именно исповѣдую безусловную вѣротерпимость и не имѣю никакой вражды къ расѣ, никакого предубѣжденія вообще на счетъ того или другаго племени. Въ настоящемъ моемъ приключеніи, обстоятельства сложились такъ, что евреи играли главную роль. Кромѣ моего преслѣдователя Колышкина, весьма правдоподобно, что и самый доносъ вышелъ отъ еврея, или по его иниціативѣ. Перебѣжчики изъ одного лагера въ другой, занимающіеся эксплуатаціей эпидемической лихорадки нашего времени, произшедшей отъ утрированнаго чувства національности, какого бы они происхожденія ни были, заслуживаютъ презрѣнія. Вотъ источникъ моихъ нападокъ, а не вражда племенная. Мнѣ такъ чужды подобныя чувства, что я нерѣдко между евреями находилъ и довѣріе и друзей. Какъ истый полякъ имѣю даже къ нимъ особенную слабость и поэтому прибывъ во Львовъ, первой моей заботой было запастись новымъ другомъ изъ этой среды, котораго и назовемъ *Саломономъ*, въ память его мудраго предка.

Пока я былъ въ Россіи, меня томило незнаніе, это тяжелое чувство, которое обхватываетъ человѣка лихорадочнымъ безпокойствомъ и представляетъ ему опасность въ разно-

образныхъ видахъ. Кому неизвѣстно—развѣ однимъ Колышкинымъ — что страданія наши относительны? Холопская поговорка: *что нѣмцу смерть, то русскому на здоровье*—въ этомъ отношеніи весьма справедлива. Теперь, когда я уже былъ на дѣйствительной свободѣ, но цѣной потери на всегда отечества, родныхъ, всего къ чему мы привязаны съ дѣтства, цѣной матеріяльныхъ интересовъ и средствъ къ жизни; теперь меня давила какъ кошмаръ, жажда знанія: изъ за чего я доведенъ былъ до этого крайняго шага, до этихъ невознаградимыхъ лишеній? Какъ бы тамъ ни былъ просторъ для произвола, все-же мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы меня схватили съ бухты-барахты, перевозили изъ одной тюрьмы въ другую, прятали подъ строгій секретъ и окружали такою непроницаемою таинственностью все что касалось моего обвиненія? Быть можетъ, думалъ я, петербургская полиція напала на слѣдъ какого-то важнаго заговора, съ которымъ показалось ей я могъ имѣть что нибудь общаго и поэтому, въ видахъ открытія, меня подвергали экстраординарнымъ мѣрамъ? Быть можетъ и внезапный выпускъ изъ тюрьмы, неожиданный такъ-же какъ и арестъ, входилъ въ категорію извѣстныхъ слѣдственныхъ мѣръ, для того, чтобы удобнѣе подмѣтить, на этой мнимой свободѣ, мои дѣйствія и сношенія?.... Я открылся моему новому другу во всѣхъ волнующихъ меня догадкахъ. Мудрый Саломонъ покачивалъ головою и улыбался иронически. "Успокойтесь", сказалъ онъ, "дайте мнѣ только немного времени, я берусь узнать вамъ, не то чтобъ доносчика, онъ вѣрно принялъ свои предосторожности, но все что касается до распоряженій правительства, все что вышло противъ васъ изъ канцеляріи, будь она подноготная, я вамъ это доставлю".

Саломонъ сдержалъ слово: спустя нѣсколько времени я получилъ отъ него полный обвинительный актъ, составленный противъ меня въ секретной канцеляріи в. пр., съ вашимъ включительно мнѣніемъ, утвержденнымъ г. главнымъ начальникомъ III-го отдѣленія.

Такимъ образомъ, узнавъ наконецъ въ чемъ дѣло, я рѣшился возстановить истину. Мои интересы навсегда потеряны; надежда на вознагражденіе весьма шаткая; возвращаться въ Россію я вовсе не желаю, тѣмъ болѣе, что какія бы ни представились благопріятныя условія, подлякъ

поступившій однажды въ вѣдѣніе тайной полиціи, находится потомъ въ постоянной зависимости отъ перваго негодяя, которому вздумается залаять на него новымъ доносомъ, до послѣдняго мелкаго чиновника, кусающаго челобитчиковъ изъ подъ канцелярскаго письменнаго стола. Это положеніе такъ-же неисправимо въ Россіи, какъ смертная казнь въ другихъ государствахъ. Слѣдовательно, цѣль моего письма внушена мнѣ однимъ уваженіемъ къ истинѣ. Весьма быть можетъ, что в. пр. подобно тому, какъ отказали опредѣлить мое обвиненіе и допустить меня къ объясненію, откажетесь и теперь прочесть его, но какъ бы мало интереса ни представляла нанесенная мнѣ обида, я заявляю ее печатно и передаю исторіи.

Секретный докладъ сдѣланный Колышкинымъ состоялъ въ слѣдующемъ: "Вслѣдствіе полученныхъ свѣденій о политической неблагонадежности проживающаго въ С. Петербургѣ дворянина В., у него былъ произведенъ обыскъ, при чемъ въ числѣ взятыхъ у него бумагъ, найдено много писемъ свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ находится въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми лицами, *по видимому польскаго происхожденія*, живущими въ *Брюсселѣ*, *Парижѣ*, *Гамбургѣ*, *Алжирѣ* и *другихъ мѣстахъ*. Хотя въ сказанныхъ письмахъ не найдено *ничего предосудительнаго*, тѣмъ не менѣе личность самаго В. — представляется *крайне подозрительною*. Выдавая себя за адвоката и повѣреннаго многихъ лицъ, В. какъ оказалось, *безъ видимой надобности*, ѣздилъ въ 1857, 1862, 1863, 1866 и 1867 за границу(*), прикрывая свои поѣздки комерческими и другими дѣловыми цѣлями, между тѣмъ онъ *по дознанію не занимается ни адвокатурою, ни комерціею*. Прошлая жизнь В. равнымъ образомъ представляетъ много темныхъ сторонъ, какъ на примѣръ: неоправдываемое ничѣмъ пребываніе его въ Парижѣ и Брюсселѣ во время польскаго бунта и при томъ съ *просроченнымъ паспортомъ*(**). Кромѣ того, не имѣя, *по своимъ словамъ*,

(*) Вѣроятно за исключеніемъ порученій отъ тайной агенціи, ни дѣла, ни польза для здоровья, ни наука не представляютъ *видимой надобности*.

(**) Канцелярія принимающая свойство *секретной*, дѣлается центромъ отрицанія законовъ. Ссылаться тутъ на законы, это тоже что взяться проповѣдывать евангеліе въ турецкой мечети; но когда я пользовался предоставленнымъ мнѣ правомъ: пребывать за границею *пять лѣтъ*, я никакъ не могъ угадать, что попаду въ ту канцелярію, гдѣ законы неизвѣстны.

никакой собственности, онъ два раза посѣтилъ *Испанію*(*) и Италію, въ Брюсселѣ *имѣлъ любовницу*(**), въ Парижѣ велъ биржевую игру, въ настоящее время живетъ въ гостинницѣ(***), дѣлаетъ *большіе расходы* и намѣревается *снова отправиться за границу*"(****).

Въ силу этаго обвиненія, в. пр. вмѣстѣ съ шефомъ жандармовъ, рѣшили : "выслать меня на родину, *съ воспрещеніемъ* мнѣ на будущее время *возврата въ столицы и столичныя губерніи*".

Представить меня *крайне подозрительнымъ*, неимѣющимъ никакаго видимаго въ Петербургѣ дѣла, какимъ-то агентомъ невѣдомаго общества, получающимъ за неимѣніемъ *никакихъ собственныхъ*, неизвѣстно откуда громадныя денежныя средства, совершающимъ таинственныя поѣздки за границу для *неизвѣстныхъ цѣлей*, ускользающихъ отъ бдительности и поисковъ самой петербургской полиціи: человѣкомъ наконецъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что о немъ ничего положительнаго, ничего опредѣлительнаго, даже тайная полиція сказать не въ состояніи, управленію в. пр. показалось недостаточнымъ еще для того, чтобы такъ атестованный полякъ, выбывшій изъ края тому 17 лѣтъ, при настоящей системѣ гоненій, принятъ былъ мѣстными властями съ подобающими почестями; поэтому в. пр., отправляя меня въ западную губернію, гдѣ нѣтъ ни гласности, ни суда, ни закона, изволили прибавить въ заключеніе : "*для зависящаго распоряженія*", т. е. снять голову, или засадить гдѣ угодно, или сослать куда вздумается.

Кому неизвѣстны въ Россіи эти грозныя, общія мѣста, открывающія широкій просторъ для всевозможныхъ произвольныхъ толкованій, какъ на пр. *оставить въ сильномъ подозрѣніи, отдать подъ строгій надзоръ, сдѣлать зависящее*

(*) Путешествіе полезное какъ всякое другое, но я въ Испаніи никогда не былъ.

(**) Я рѣшительно не постигаю, что́ можетъ быть въ этомъ общаго съ политикою? Сколько мнѣ извѣстна петербургская жизнь, III-е отдѣленіе въ особенности не должно быть слишкомъ строго къ человѣческимъ слабостямъ этаго рода.

(***) Гостинница *Демута*, извѣстная тѣмъ, что тамъ люди живутъ годами, и я прожилъ около трехъ лѣтъ.

(****) Новое преступленіе. Противъ этаго лучшее средство : уничтожить желѣзныя дороги и выстроить китайскую стѣну.

распоряженіе и т. п.? Не былъ-ли я правъ въ моихъ догадкахъ и опасеніяхъ, въ моемъ недовѣріи къ исходу тайнаго слѣдопроизводства? Только теперь сталъ уясняться для меня загадочный, секретный мой арестъ : г. Колышкинъ зналъ, что дѣло по изобрѣтенной имъ подготовкѣ не могло окончиться простою высылкою, простымъ водвореніемъ на мѣстѣ жительства. Притомъ докладъ его слишкомъ шелъ въ разрѣзъ съ настоящими фактами, съ бывшими въ его разсмотрѣніи бумагами, съ общественнымъ моимъ положеніемъ въ Петербургѣ : онъ не посмѣлъ объявить мнѣ рѣшенія и спрятался благоразумно, выставивъ впередъ своего наперстника *Жерве*; наконецъ, очевидно, заботился только о томъ, какъ-бы держать меня поскрытнѣе, да не допустить къ в. пр. для объясненія. Еслибы не эти мѣры, я могъ—чего добраго?—узнать это безсмысленное обвиненіе — сущую клевету. У меня вѣдь остались тѣ корреспонденціи, по коимъ докладчикъ дѣлалъ заключенія; нѣкоторые мои кліенты находились въ Петербургѣ на лицо; деньги я получалъ за мои труды чрезъ почтовую контору, или посредствомъ мѣстнаго банкира; почти наканунѣ моего ареста я произносилъ въ 3-мъ Деп. Сената публичную защиту при открытыхъ дверяхъ.—Стало быть, все имѣлось подъ рукою для того, чтобы мнимое *дознаніе*, подведенное докладчикомъ въ основаніе его предположеній, оказалось тутъ-же на мѣстѣ ничтожнымъ пуфомъ, непростительнымъ со стороны оффиціяльнаго лица лжесвидѣтельствомъ.

Весь обвинительный актъ обнаруживаетъ очевидное стремленіе : представить меня какъ можно болѣе подозрительнымъ и загадочнымъ. Напирая на связь существующую между моими поѣздами за границу "*безъ видимой надобности*" и пребываніемъ въ Петербургѣ, гдѣ "*по дознанію*" я ничѣмъ не занимаюсь, докладчикъ утверждаетъ вмѣстѣ съ этимъ : что я дѣлаю *большіе расходы* (изъ неизвѣстныхъ источниковъ) и состою въ перепискѣ съ лицами *польскаго происхожденія*, *живущими* въ разныхъ мѣстахъ за границею. (Прошу замѣтить : не *путешествующими*, а *живущими*, т. е. съ *эмигрантами*).

При томъ лихорадочномъ настроеніи, въ которое приведена со времени польской революціи одна часть русскаго общества, при поддержкѣ этаго состоянія фантомами *поль-*

скихъ интригъ въ Россіи и за границею, весьма легко понять, къ какому заключенію на мой счетъ ведетъ редакторъ доклада : я долженъ быть агентъ какого-то общества. Какого? Какъ это открыть? Или-же при невозможности открыть, что сдѣлать съ лицомъ положительно и сильно подозрительнымъ? Пусть рѣшаютъ *мѣстныя власти.* Парафразируя этотъ выводъ на настоящій, опредѣлительный смыслъ, выйдетъ слѣдующее : "Мы получили *свѣденія* о политической неблагонадежности уроженца ввѣреннаго вашей бдительности революціоннаго края и находимъ его съ нашей стороны *крайне подозрительнымъ.* Одиннадцать лѣтъ онъ ѣздитъ за границу *безъ видимой надобности,* и не смотря на то, что у насъ есть и тамъ и здѣсь свои агенты, мы не могли поймать его съ поличнымъ, однакожъ *по дознанію* мы убѣдились : что онъ собственно никакимъ позволительнымъ дѣломъ не занимается, денежныя средства извлекаетъ неизвѣстно откуда и состоитъ въ перепискѣ съ польскою эмиграціею. У васъ есть особые законы, или правильнѣе : нѣтъ ихъ вовсе, а правите вы краемъ по вашему собственному усмотрѣнію, безъ контроля и безъ апелляціи, тогда какъ у насъ есть гласность, и печать, и законы, которые мы не всегда обходить можемъ. Такъ пожалуста, приберите этого человѣка въ ваши руки и сдѣлайте съ нимъ *зависящее распоряженіе*".

Рѣшавшіе по этому докладу не обратили вниманія на весьма важное упущеніе : почему не опредѣлено, въ чемъ именно заключались заграничныя письма, въ которыхъ въ политическомъ смыслѣ не найдено ничего *предосудительнаго*? Это упущеніе объясняется тѣмъ, что такъ какъ корреспонденціи были дѣловыя съ препровожденіемъ довѣренностей, счетовъ, векселей и проч., то докладчику для обдуманной тезы никакъ невозможно было толковать ихъ въ какомъ нибудь предосудительномъ смыслѣ, что̀ заставило бы пріобщить ихъ къ дѣлу. Съ тою-же цѣлью и бумаги относящіяся къ дѣламъ тяжебнымъ, возвращены мнѣ были, даже безъ просмотра. Я не стану уже ссылаться на эти ощутительныя доказательства моихъ занятій и денежныхъ средствъ, на письмо на пр. моего довѣрителя Р., полученное мною за нѣсколько дней до обыска и слѣдовательно бывшее въ рукахъ докладчика, которымъ Р. извѣщаетъ, что отправилъ

для меня въ Петербургъ посредствомъ банкира Г.(*) 1500 р., все это докладчикъ скрылъ съ намѣреніемъ; но какъ-же не бросилось въ глаза это очевидное противурѣчіе возникающее изъ самого доклада: что биржевой игры невозможно вести безъ денежныхъ средствъ и что эта операція составляетъ уже сама по себѣ своего рода комерцію? Объясненіе мое по вопросу неявки во время революціи на вызовъ правительства, за *неимѣніемъ поземельной* собственности въ западномъ краѣ, докладчикъ перетолковываетъ и приписываетъ мнѣ ребяческое сознаніе, что я не имѣю *никакой* (?) собственности. Стало быть, я наивно болтаю моему инквизитору, что вотъ-де являюсь въ чужомъ пальто и что взятыя у меня банкирскіе векселя фальшивы?

Еслибы сдѣлать ипотезу, что я прибылъ въ столицу въ первый разъ въ мою жизнь, по какому нибудь единственному дѣлу, вѣдь и тогда еще нѣтъ повода признавать мое пребываніе подозрительнымъ и загадочнымъ, но у кого дѣла въ теченіи 19 лѣтъ считаются десятками и сотнями, кто наканунѣ обыска и ареста защищаетъ дѣла въ Сенатѣ публично, при открытыхъ дверяхъ, пускаться въ отрицанія и предположенія въ разрѣзъ съ истиною, это уже черезъ чуръ расчитывать на тайну слѣдопроизводства секретной полиціи!

Что касается происхожденія моихъ заграничныхъ корреспондентовъ, я уже сказалъ, что въ числѣ взятыхъ у меня *заграничныхъ писемъ* не было ни одного за подписью польскаго имени. Изъ Брюсселя писали ко мнѣ бельгійцы, изъ Парижа французы, изъ Алжира жена русскаго, кн. Г., урожденная гр. М. и гр. М. природный французъ(**). Изъ Гамбурга не писалъ никто, по той простой причинѣ, что я тамъ никогда не былъ и никого не знаю. Но изъ Брюсселя мнѣ сообщались извѣстія о моихъ двухъ собакахъ названныхъ мною по-польски и... risum teneatis amici! По этому случаю всѣ мои корреспонденты пріобрѣли польское

(*) Не считая себя въ правѣ печатать имена собственныя лицъ, находившихся со мною въ дѣловыхъ отношеніяхъ, я обозначаю ихъ начальными буквами и выпишу только въ экземплярахъ предназначенныхъ для тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

(**) Довѣренность выданная гр. М. на мое имя, находится при дѣлахъ французскаго консула въ Петербургѣ.

Банкиръ Гинсбургъ.
Довѣренный отъ графа Монмора, фран-
цузскаго подданнаго.

происхожденіе! Откапывать мои интимныя, неидущія къ дѣлу отношенія, производить польское происхожденіе иностранцевъ отъ собачьей клички — дѣло подобной важности — докладчикъ посмѣлъ подносить къ подписи государственнымъ людямъ!

Во имя попранной истины, потрудитесь в. пр. удостовѣриться, что я занимаюсь дѣлами съ 1849 г. Кромѣ особаго списка лицамъ довѣрявшимъ мнѣ дѣла въ Петербургѣ, который сообщается въ приложеніи, я ссылаюсь на свидѣтельство намѣстника Царства Польскаго, гр. Берга, какъ знавшаго меня лично по случаю оказываемаго имъ покровительства одному моему довѣрителю С. Въ Февралѣ или Мартѣ 1868 г. я защищалъ въ Сенатѣ дѣло опекуна малолѣтнихъ гр. П. гр. А. З. Въ тоже время я былъ защитникомъ братьевъ Р. и одинъ изъ нихъ прибывъ въ столицу во время моего ареста, вынужденъ былъ передать неоконченное мною дѣло присяжному повѣренному С. Въ 1865 году я имѣлъ порученіе изъ Бельгіи пріобрѣсть концессію на постройку одной изъ желѣзныхъ дорогъ и предложить правительству поставку телеграфныхъ снарядовъ(*); въ 1866 году ввести мелкую монету изъ никеля. Вопросъ о семъ послѣднемъ доходилъ до Совѣта при министрѣ финансовъ и тогда вмѣсто никеля признано было лучшимъ выпустить нынѣшнюю низкой пробы монету(**). Но что всего курьезнѣе, это то, что по случаю продажи имѣнія *Дубно*, я былъ *лично* въ переговорахъ съ ген. Мезенцовымъ, чрезъ чьи руки какъ управляющаго III-мъ отдѣленіемъ, долженъ былъ проходить докладъ отрицающій мои занятія. Да и в. пр. торгуя имѣніе подлежавшее обязательной продажѣ пом. Я., извлекали свѣденія о состояніи этого имѣнія изъ статистики составленной мною(***). Такъ гдѣ-же, въ какихъ темныхъ закоулкахъ производилъ г. Колышкинъ то знаменитое *дознаніе*, которое доказывало, что я проживалъ въ Петербургѣ безъ дѣла, изъ любви къ климату?

Однакожъ на такихъ данныхъ в. пр. основали ваше рѣшеніе. Я не отрицаю в. пр-ства права высылки меня изъ

(*) Спросить от. пол. гв. Н. Ѳ. Л. г. Суханова.

(**) Спросить извѣстнаго финансиста дѣй. ст. сов. М. г. Мясникова.

(***) Спросить дѣй. ст. сов. П. г. Подчинскій.

г. [illegible] Пав. Мясн.

города, по какому нибудь поводу, или просто безъ повода, съ сообщеніемъ даже къ мѣстнымъ властямъ, *по секрету*, объ отказѣ мнѣ вида на возвратъ; но да будетъ угодно в. пр. дозволить мнѣ усомниться въ законности послѣдовавшаго обо мнѣ рѣшенія. До сихъ поръ мнѣ казалось и по судебной практикѣ извѣстно : что *воспрещеніе въѣзда во всѣ столицы* дворянину, имѣющему право избирать мѣсто пребыванія во всей имперіи, составляя *ограниченіе правъ присвоенныхъ ему по состоянію*, зависитъ отъ верховнаго суда, или назначенной по высочайшему повелѣнію коммиссіи. Это впрочемъ вопросъ принципа, одной лишь формальности, потому что, за исключительностью временъ и понятій, въ меня, какъ поляка, можно было даже выстрѣлить изъ револьвера и потомъ заявить что нибудь для приличія — или пожалуй и этого ненужно; вопросъ, говорю, принципа, что и доказываетъ в. пр. опять, что *я все-же-таки* немножко юристъ. Pereat mundus, fiat justitia! т. е. произволъ самъ по себѣ, а законъ самъ по себѣ. И такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что независимо отъ теоріи принциповъ, полицейская власть на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ полякамъ, выше законовъ, то поэтому именно в. пр. слишкомъ высоко стоите, чтобы нуждаться, для какихъ бы то ни было видовъ, въ той гнусной лжи, къ которой прибѣгнулъ вашъ подчиненный. Нѣтъ, я никогда не допущу подобной мысли, ни по извѣстному благородству вашей души, ни по занимаемому вами посту. Мнѣ доводилось весьма часто и слышать и читать, что в. пр. имѣете желѣзную руку въ бархатной перчаткѣ. Если, какъ предполагать должно, эту перчатку представляетъ начальникъ секретнаго отдѣленія Колышкинъ, то я вынужденъ сказать, что это самая безобразная, ежовая рукавица, отъ которой нѣтъ проку ни рукѣ, ни предмету прикосновенія, и чѣмъ скорѣе в. пр. кините ее въ Ташкентъ или Бухару, подальше отъ Петербурга, да поближе къ землѣ обѣтованной, что̀ будетъ тоже въ родѣ придуманной для меня *высылки на родину*, тѣмъ лучше для справедливости и для управляемаго в. пр. города.

Недоученый воспитанникъ Каменецъ-подольскаго училища, сынъ мелкаго чиновника загадочнаго происхожденія, презираемый въ средѣ мѣстной спѣсивой молодежи, брошенный потомъ въ Варшаву и подвизавшійся на [illegible]ной аренѣ, гдѣ

революція переходила разныя фазы — кто знаетъ — какія домашнія невзгоды, какія личныя оскорбленія хотѣлъ г. Колышкинъ выместить на мнѣ? Неопасно-ли лицамъ едва полуобразованнымъ и непредставляющимъ никакой гарантіи въ ихъ добросовѣстности, довѣрять власть : допрашивать *на едина* и разсматривать бумаги *безъ контроля?* Можетъ-ли быть въ интересахъ какого бы то ни было управленія искаженіе фактовъ и утайка истины? Если въ благоустроенномъ государствѣ эти таинственные трибуналы нужны или необходимы, то здѣсь потому именно, что апелляція не только невозможна, но даже была бы принята за новое преступленіе, здѣсь говорю, должна царствовать самая строгая, самая безпристрастная справедливость. Положимъ на пр., что обвинительный актъ дошелъ бы до моего свѣденія въ Россіи, всякій поймет, что заявленіе подобнаго знанія вызвало бы противъ меня новыя гоненія, такъ какъ всѣ дѣйствія секретной полиціи считаются тайною государства. Однакожъ съ открытіемъ этой *важной* тайны, для кого-же теперь неочевидно : что это былъ не докладъ, не отчетъ изъ того, что начальникомъ секретнаго отдѣленія розыскано и выведено изъ взятыхъ у меня ночью, внезапно бумагъ, а горькая насмѣшка надъ истиною? Какъ! Въ тотъ моментъ когда меня отрываютъ отъ дѣлъ и серіозныхъ занятій, когда истязаютъ тюремными заключеніями, ссылками и пересылками — въ тотъ самый моментъ, разсчитывая на тайну, утверждать : что эти крайнія мѣры вызваны отсутствіемъ у меня тѣхъ-же занятій? Для того, чтобы я не отправился "*снова за границу*"(!!)—меня заставляютъ совершить путешествіе, которое мнѣ обходится въ десять разъ дороже. Вмѣсто человѣка любящаго трудъ и науку, что все, кромѣ печатныхъ моихъ произведеній, видно было изъ взятыхъ у меня бумагъ, во мнѣ хотятъ найти непремѣнно какого-то тунеядца, искателя приключеній, и дѣлаютъ все возможное, чтобы довести до этаго состоянія. Закрывая глаза передъ ощутительными доказательствами трудовъ, доставляющихъ мнѣ денежныя средства, признаютъ отсутствіе этихъ средствъ и употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы меня лишить ихъ на дѣлѣ и пустить въ нищіе! Съ какихъ-же поръ въ перерождающейся на новыхъ началахъ Россіи, трудъ и знаніе считаются тунеядствомъ? Нужно-ли гражданину имѣть опять

извѣстное количество *душъ*, чтобы III отдѣленіе изволило уважить въ немъ достоинство одной человѣческой души? Весьма быть можетъ, что эти обвѣтшалые принципы не вышли еще изъ секретныхъ отдѣленій, но такъ какъ мнѣ извѣстенъ только порядокъ существующій гласно, то я и ссылаюсь на свидѣтельство людей свѣдущихъ и достойныхъ вѣры, на тѣхъ наконецъ кто былъ въ прямыхъ отношеніяхъ со мною по дѣламъ. Каково бы ни было мое положеніе на томъ пути, на который бросили меня власти, я не перестану апеллировать противъ *секретнаго дознанія*, вслѣдствіе коего уничтожены были *полицейскими мѣрами*, безъ всякой на меня жалобы, безъ дѣла и суда, не только личные мои интересы, но и выданныя на мое имя, въ законной формѣ довѣренности (*); тогда какъ это дознаніе замѣчательно именно тѣмъ : что замѣняетъ бѣлое чёрнымъ, или чтобы опредѣлить рѣзче его смѣшную сторону : представляетъ найденный у меня при обыскѣ перочинный ножикъ за нарѣзную пушку! При такой неограниченной власти секретныхъ учрежденій, при томъ непремѣнномъ условіи : что попадающіе въ руки этимъ трибуналамъ, лишены всякой защиты и обязаны безмолвствовать подъ страхомъ отвѣтственности за нарушеніе государственной тайны; при такой говорю обстановкѣ, безопасность личная, гарантія гражданскихъ интересовъ и даже международныхъ отношеній— немыслимы.

Предоставляю людямъ, ратующимъ за достоинство русскаго дѣла, войти въ положеніе человѣка виновнаго развѣ въ томъ, что онъ происходитъ отъ одного изъ тѣхъ славянскихъ, родныхъ русскому племенъ, которое имѣло когда-то отдѣльную политическую форму... Я не падокъ на порицанія и затѣмъ болѣе времени посвящалъ наукѣ, чѣмъ на произведенія собственнаго ума, чтобы дойти, сколько возможно, до всесторонняго сужденія. Мнѣ отрадно высказать глубокое уваженіе къ петербургской магистратурѣ стараго и новаго порядка; къ прокурорскому надзору, который я ставлю вы-

(*) Довѣренности по текущимъ въ то время дѣламъ были слѣдующія : отъ гр. А. З. по дѣлу въ 3-мъ Деп. Сената, отъ пом. Р. по дѣлу въ общемъ собраніи 1-хъ 3-хъ Деп. Сената, и отъ гр. М. по долговымъ взысканіямъ. Сія послѣдняя довѣренность находится, какъ я уже сказалъ, у дѣлъ французскаго консула въ Петербургѣ.

соко по заявленнымъ имъ гуманнымъ взглядамъ. Къ несчастью, въ дѣлѣ моемъ собственномъ, я не могъ воспользоваться этими органами правосудія, и когда я призывалъ прокурора, я забылъ, что какъ полякъ, нахожусь hors la loi.

Льщу себя надеждою, что в. пр. заблагоугодно будетъ сдѣлать повѣрку тѣхъ дѣйствій, которыхъ я былъ жертвою, и поэтому заключаю мое письмо покорнѣйшею просьбою : поручить повѣренному лицу, если уже не защиту моихъ интересовъ, то по крайней мѣрѣ доставленіе мнѣ дѣловыхъ бумагъ и документовъ принадлежащихъ иностранцамъ и требуемыхъ съ меня нынѣ. Безъ особеннаго покровительства мнѣ ничего получить невозможно. В. пр. не безизвѣстно, что я отнюдь не имѣю въ Россіи ни друзей, ни родныхъ : полякъ выбывшій за границу въ такихъ условіяхъ какъ я, считается болѣе чѣмъ умершимъ и отпѣтымъ : его поминать опасно.

Честь имѣю быть

В. пр. и проч.

Парижъ, 25 Ноября 1868.

ЗИБЛИОТЕКА
Общественныхъ
Академіи Наукъ

Genève.—Imp. russe de Londres.